сотней на белоногом подбористом коне есаул Попов. Левой рукой в белой перчатке натягивает поводья. Конь бочит голову, изогнув колесистую шею чешет морду о связку грудных мускулов.

Полковник ~~на горячем полукровке~~ вывернувшись из-за угла казарменного корпуса, коня поставил лошадь перед строем.

Адъютант ~~на~~ достал платок, но высморкаться не успел, полковник в бесцветно-дребезжащую тишину кинул: !

— Казаки.

И властно забрал себе общее внимание. Вот оно: ~~война~~: подумал каждый. Трушилось ~~нетерпеливое~~ Митька Коршунов досадливо тронул нагайкой своего коня, переступавшего с ноги на ногу. Рядом с ним в строю в крепкой посад~~ке~~ ~~за~~ обмер Иванков, слушал зевласто раскрыв треугольный ~~рот~~ с неровным исчерком зубов. За ним ~~[illegible]~~ потягивался Жарочков, еще дальше ~~двигая~~ по лошадиному хрящами ушей Лапин, за ним виднелся чубато выбритый казак Щегольков.

— Германия нам объявила войну.

...По выровненным рядам шелест: ~~по ним вздох~~ будто ~~сотрясший~~ ~~черноволосый~~ «~~хлещущий~~» как по ячменю ~~[illegible]~~ прошлась ветровая волна. Вскриком резнуло слух конское ржание. Округленные глаза и ~~квадратная~~ чернота раскрытых пастей в сторону первой сотни; там заржал на левом фланге конь.

Полковник говорил еще, расстанавливая в необходимом порядке слова, пытаясь подпалить чувство национальной гордости. Но ~~[illegible]~~ перед глазами тысячи казаков не шуршащий ~~знамен~~ шелк чужих знамен клонился к ногам, а свое будничное, ~~родное~~, ~~кровное~~ разметнулось ~~оторванное от каждого вековало~~ звало: жена, дети, любушка, ~~сотни~~, неубранные хлеба, осиротелые хутора, станица...

— ...Через два часа ~~грузиться~~ погрузка на поезд.

Единственное, что ~~осталось~~ ворвалось в память каждому.

Толпившиеся неподалеку жены офицеров плакали в платочки. К казармам ватагами разъезжались казаки. Сотник Чортов почти на руках нес свою белокурую беременную польку-жену.

К вокзалу полк шел с песнями. Заглушили оркестр и на полпути он конфузливо умолк. Офицерские жены сам